

Ольга Тустошинская

В РЕЖИМЕ
Нереального
ВРЕМЕНИ

Ольга Пустошинская

В режиме нереального времени

«Автор»

2023

Пустошинская О.

В режиме нереального времени / О. Пустошинская — «Автор», 2023

Сашка — избалованная девочка-подросток, не знает отказа ни в чём. Её прабабушка в войну жила в оккупации, Сашке рассказы про это время безразличны. Зачем вспоминать то, что давно прошло? На летних каникулах она уезжает к бабушке погостить. Однажды, возвращаясь с прогулки, Сашка не узнаёт села: по улицам ходят немецкие солдаты в форме Второй мировой войны, стоят танки. Саша думает, что попала на съёмки фильма, но потом понимает: это не кино и не квест, она оказалась в прошлом.

Содержание

Глава 1. В ссылке	6
Глава 2. Малахольная	11
Глава 3. Родня	16
Глава 4. Просто фантастика	23
Глава 5. Фольксдойче	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ольга Пустошинская

В режиме нереального времени

Эту матерчатую зелёную сумку с прицепленными значками Алёнка нашла на поляне, на влажной после дождя траве; носком сандалии поддела находку, открыла замок. Внутри лежал новенький телефон – именно о таком она давно мечтала, наушники без проводов, дезодорант и остатки шоколада в оранжевой обёртке.

– Не отдам, не отдам! Она ничейная! – прошептала Алёнка, воровато оглядываясь, и прижала сумку к животу.

Обнаруженным в кармашке деньгам она быстро нашла применение: купила в сельском магазинчике фруктовые мармеладки и рогалик, который тут же раскрошила на крыльце голубям. Ей нравилось смотреть, как птицы расталкивают друг друга, азартно склёвывают крошки, шумно вспархивают от резких движений рук и снова возвращаются.

Алёнка отряхнула ладони и побежала домой, там никого не было, к счастью. Шоколад она попробовала и выплюнула, выбросила в мусорное ведро: он оказался твёрдым, с какими-то примесями, почти несладким.

Телефон не включался, наверняка разрядился полностью. Алёна сбегала в родительскую спальню, вынула торчащий из розетки мамин зарядник, попробовала вставить в разъём – получилось. Телефон ожил, завибрировал.

Радость её была недолгой: в дверях появилась мама, увидела мобильник, свела брови и напустилась на Алёнку:

– Где ты это взяла?!

Та испугалась, ногой запихнула сумку под стол.

– Соня дала поиграть, ей пока не нужно, – пролепетала она, и мама поверила, успокоилась, ушла на кухню подогревать обед.

Алёнка перевела дух, занялась телефоном. Открыла фотографии, и тревога царапнула сердце: с экрана улыбалась девочка с длинными светлыми волосами, Саша. Она пропала месяц назад. Тогда в селе поднялся большой переполох, приезжал следователь и всех выпрашивал. Значит, это её сумка...

«Раз в жизни повезло, а теперь придётся вернуть», – огорчилась Алёнка. Она нажала иконку микрофона на экране, раздался дрожащий, прерываемый всхлипами девичий голос: «Тому, кто меня услышит... когда-нибудь. Меня зовут Александра Кравцова. Сегодня со мной произошло что-то ужасное...»

Алёна с круглыми от испуга глазами прослушала сообщение до конца и бросилась на кухню:

– Ма-ам, это Сашин телефон! С ней случилось плохое!

Через несколько минут мать звонила в полицию и с руганью ворошила мусорное ведро в поисках шоколада и обёртки.

Глава 1. В ссылке

Сашка проснулась в полдень, что было для неё очень рано: обычно она поднималась после обеда. Не открывая глаз, нащупала мобильник на табурете, приспособленном под прикроватную тумбочку. Единственная радость в этой дыре – телефон.

Пришло новое сообщение от Лизы, школьной подруги: «Привет. Я на пляже, море такое тёплое! Ты как?» Сашка скривилась – глупый вопрос! – и, быстро бегая пальцами по клавиатуре, написала: «Сап! Прозябаю». Лиза тут же ответила весёлым смайликом. Хорошо ей смеяться, сидя на пляже под зонтиком и жуя персики. А здесь хоть умри.

Сашка думала, что к бабушке её сослали не просто так, а после того случая, когда она поскандалила с мамой. А ведь начиналось всё так мирно! Они смотрели фильм, развалившись на диване, и ели мороженое, мама – крем-брюле, а Сашка смаковала рожок с чёрной смородиной, который очень любила. Фильм закончился, и внезапно выскочил этот ролик, старый, Сашка его нечаянно включила.

– Оставь, оставь, – махнула рукой мама.

На экране толпа подростков Сашкиного возраста, едва ли старше пятнадцати-шестнадцати лет, скандировала лозунги. Ребята веселились: на лицах – улыбки, в руках – айфоны. Снимали себя и друг друга, чтобы после выложить в соцсетях, а для чего же ещё? Полиция вывела из толпы парня в светлой куртке и понесла к машине, довольно аккуратно понесла, но крупная надпись красным шрифтом говорила обратное, что задержание было максимально жёстким, и Сашка моментально поверила. Изверги, зачем так заламывать руки!

– Тупые малолетки, – поморщилась мама, – ремня им всыпать, протестунам.

Сашке стало обидно.

– А разве полиция имеет право заламывать руки? – вскинулась она. – Они ничего такого не делают. Вышли на мирный протест поддержать своего лидера.

– Это мирный протест в поддержку преступника?

– Он не преступник.

Глаза у мамы потемнели и стали почти чёрными.

– Ну-ну. Я смотрю, ты хорошо осведомлена. Неспроста этот ролик выскочил. Смотришь всякую дрянь.

– А что, мне и посмотреть нельзя?

Сашка не заметила, как перешла на повышенный тон. Её бесило, когда родители указывали, что делать, как будто ей пять лет, как будто мультик не тот выбрала.

В комнату заглянула старшая сестра Настя, глянула исподлобья.

– Хватит орать, я к сессии готовлюсь.

– А я-то что? Это ты маме говори, – огрызнулась Сашка, с тяжким вздохом поднялась и ушла к себе.

Это была только её комната, не пополам с сестрой, спасибо родителям хотя бы за это. Здесь стояла кровать с маленькими цветными подушками, комод и письменный стол с креслом. Сашка сама с упоением украшала комнату: развешивала по стенам плакаты и свои рисунки, прикрепляла гирлянду на изголовье кровати – устраивала свой мирок.

Сашка взяла мобильник и легла сверху покрывала, обняла подушку-игрушку, рыжего кота с крохотными лапками и болтающимся полосатым хвостом.

– Давай спокойно поговорим.

Опять мама. Сейчас будет нотации читать. Какая же она душная!

– Потом, я занята, – буркнула Сашка.

– Выкрой для меня хотя бы минутку своего драгоценного времени, – серьёзно сказала мама, но Сашка почувствовала ехидство. – Твой лидер, как ты говоришь...

– Он не мой.

– Хорошо, пусть не твой. Он оскорбил пожилого человека, ветерана. Мой дед всю войну прошёл, если бы его обозвал этот хмырь, я бы задушила мерзавца своими руками. Да отложи ты телефон, когда я с тобой разговариваю!

Сашка закатила глаза, бросила телефон на кровать.

– И про парад Победы написал, что он превратился в карикатуру.

– Это его мнение.

– Пусть он своё мнение оставит при себе! – вскипела мама. – Не думала, что моя дочь будет защищать негодяя.

– Ох, оставь меня в покое!

Хорошо, что отца дома нет, а то они вдвоём бы взялись за Сашку. У всех такие родители токсичные, или ей не повезло?

– Мы же с тобой в колонне шли в портретом прадеда. Саша, тебя же называли в его честь.

– Я не просила называть меня в его честь. Я вообще это имя ненавижу.

– Да прекрати дерзить! Прадед воевал, чтобы ты жила!

Сашке бы одуматься, но её понесло.

– Может, и лучше мы жили, если бы победила Германия. Вот вы все говорите: немцы звери, изверги... А я читала, что они были добрыми, даже хлебом и шоколадками детей угощали.

Мама побелела:

– Как ты можешь! Твоя прабабушка в оккупации жила! Сколько фашисты мирных убили, замучили и отравили! Я же рассказывала тебе, а ты – про шоколадку... Стыдно тебе должно быть, стыдно!

– А мне не стыдно. Это моё мнение!

Мама резко повернулась и вышла. Сашка притихла: из глубины дома донеслись приглушённые рыдания.

«Ну и пусть, – насупилась она, – ну и пусть. Я сказала правду». И всё же на душе стало противно и мутно, не следовало так говорить с мамой. Теперь она обидится и будет молчать, пока Сашка не извинится, или сделает ещё хуже – не возьмёт её в Сочи.

И действительно. Всего пара дней прошла, и отец сообщил, что поездка откладывается, потому что на работе кто-то заболел, а он ведь такой незаменимый. Ну конечно, повод нашли!

– Я столько ждала... давайте поедem без папы.

– Исключено. Поедем в августе все вместе, – отрезала мама.

Настя закончила учёбу, собралась с однокурсниками куда-то на отдых, и Сашка, даже не зная, что за турбаза и где, заволновалась:

– А я? И я хочу. Можно мне с Настей на турбазу?

Она не возьмёт, конечно, но попытка не пытка.

Сестра встала на дыбы:

– Ну вот ещё! Зачем ты мне, у нас своя компания. Мам, скажи ей, пусть не пристаёт. Не хватало ещё нянчиться и сопли подтирать.

– В самом деле, Саша, никто с тобой возиться не будет. Уже всё решено: или едешь к бабане, или остаешься дома.

– Да кем решено? Почему вы Насте всё позволяете, а мне нет? Что мне делать дома? Я со скуки умру.

– Мы с тобой поедem к бабане. Ей без деда теперь одиноко.

– Ты серьёзно?

Бабаня – это бабушка Аня, мамина мать. Так её Сашка звала в детстве, а потом стали повторять и другие. А что, прикольно, всё в одном слове.

Сашка попробовала многое: и обижалась, и кричала, и плакала. Напускала на себя скорбный вид и дрожащим голосом спрашивала: «А может быть, я одна смогу в Сочи поехать?» Раньше это срабатывало, а сейчас почему-то нет.

– Мы поедem, но позже, в августе, – утешала мама, – бархатный сезон даже лучше. Смирись.

– А я хотела сейчас... – ныла Сашка, понимая, что ничего другого ей не остаётся, как смириться. – У бабани даже интернет не ловит.

– Вот это как раз хорошо. Отдохнёшь, перестанешь смотреть всякие глупости.

– Ну м-а-ам!

– Да шучу, шучу... Есть там вышка, связь хорошая.

Сашке у бабани жилось вольготно. Та позволяла засиживаться допоздна, спать сколько хочется; работой по дому и огороду не нагружала, Сашка сама вызывалась поливать из шланга помидоры и собирать в ведро пупырчатые, чуть колючие огурцы. Она радовалась, что мама передумала оставаться, сослалась на работу и уехала, иначе не видать бы Сашке такой свободы: мама не разрешала подолгу валяться в постели, сдёргивала одеяло, кричала, и Сашка в ответ тоже повышала голос. Бабушка её никогда не ругала и называла своей красавицей. Сашка фыркала: ну какая красавица? И носик не точёный, и глаза не такие голубые, как в рекламе туши для ресниц, и фигура не такая тоненькая. На самом деле Саша лукавила: внешнею она была довольна. Волосы, светло-русые, густые, любила и холила: мыла хорошим шампунем, ополаскивала настоем ромашки, аккуратно расчёсывала, стараясь не повредить ни одного волоска. Даже красить не рисковала, хотя подружки ходили модные – и синие, и зелёные, и розовые, и сине-зелёно-розовые.

Зевая, Сашка натянула шорты и майку со смеющимся черепом, которого мама называла бедным Йориком. Из кухни доносилось позвякивание посуды и долетал запах сдобных лепёшек. Сейчас она лепёшечек поест!

Бабаня сидела за столом с чашкой зелёного чая. Её рыжие крашенные волосы шевелились от крутящегося вентилятора.

– Моя красавица проснулась! – просияла она и ласково пожурла: – Опять поздно легла, не поднимешь. Я уже второй раз завтракаю. Ешь, и за земляничкой пойдём. Соседка вчера ведёрко набрала. Варенье сварю, будешь зимой есть и меня вспоминать.

Сашка через силу улыбнулась, опустила глаза и помрачнела. Пить чай с душистым вареньем ей нравилось, а ползать по траве на коленках, собирая мелкую ягоду, – не очень. Да и зачем тратить время, когда всё можно купить?

Она невинно спросила, как бы между прочим:

– Бабань, а земляничное варенье продаётся?

– Клавка продаёт проезжающим, а в нашем магазине не бывает.

Саша доела лепёшку и взяла телефон:

– Продаётся, и очень много. Зачем столько времени тратить, если мама может купить?

Бабаня поджала губы:

– Хитрая ты, Сашуня, всё тебе купить. Денег не напасёшься, своё-то лучше и дешевле. Вот сколько стоит твоё варенье?

Сашка назвала цену.

– Вот видишь! – обрадовалась бабаня. – И баночка-то какая маленькая, а я кило сахара куплю и три таких банки сварю. Не бузи, порадууй бабушку.

Пришлось Сашке согласиться. Она собиралась неохотно, надела кроссовки, засунула в карман мобильник. От бабани это не укрылось.

- Оставь дома, что ты его всюду с собой таскаешь, даже в туалет? Да огромный-то какой!
- Я фотографировать буду.

Бабаня не понимала. Для неё телефон – это штучка с кнопками. Раз или два в день позвонит и больше к нему не прикасается, а Сашка без мобильного как без рук, в нём вся её жизнь.

Земляничная поляна находилась недалеко за селом, всего-то пришлось пастбище пройти – и вот она. Маленькой, Сашка обожала собирать ягоду. Кидала больше в рот, чем в ведро, прямо с кустиков. И живот никогда не болел.

Вдалеке стеной стоял лес, перед ним зелёным ковром расстилалась поляна, и Сашка подумала, что надо притащить сюда мольберт с красками и попробовать нарисовать это изумрудное поле с едва проглядывающими алыми крапинками. Не зря ведь привезла с собой полную сумку бумаги, гуаши и акварели.

Сашка раздвинула траву и увидела резные листочки и ягоды, усыпанные мелкими семенами. Собирать землянику ей быстро надоело, мешали слепни и мошкара, и она бросила это занятие, едва ягоды закрыли дно пластикового ведёрка.

- М-м... какая сладкая, – сказала бабаня, – ты попробуй.
- Я потом. Сфоткай меня!

Бабаня вытерла руки:

– Давай. Куда нажимать надо? Сашенька, ты бы надела кофточку красивую, голубую хотя бы. А это что за страсть? Черепушка лысая...

- А мне нравится!

Сашка рассмеялась, распустила волосы и сделала пальцами знак «виктория». Она позировала и стоя, и сидя, и лёжа. Просмотрела снимки – супер! Сфотографировала кусты земляники, притаившиеся в траве, доверху наполненное бабанино ведёрко и выложила на свою страничку в интернете. Не прошло и нескольких минут, как посыпались комментарии, их Сашка прочитала с довольной улыбкой.

Справа у леса светлел увенчанный звездой мемориал с низкой оградой. На табличке было выбито: «Вечная слава павшим за освобождение...» – и имена. Сашка, озарённая идеей, пробежала, сфотографировалась, пролистала снимки со своей улыбающейся мордашкой на фоне обелиска и осталась довольна.

– Вечная им память... – вздохнула бабаня. – Наше село в сорок третьем освободили от фашистов. Как драпать стали, так сразу: «Гитлер капут, Гитлер капут».

- Откуда ты знаешь? Ты же после войны родилась.
- Ну так и что? Мне мамка моя всё рассказывала, она в оккупации жила.

Про оккупацию бабаня говорила и раньше. Сашка слушала, и ей казалось, что всё это случилось очень-очень давно, едва ли не тысячу лет назад, а поэтому и вспоминать не стоит. Ну было, ну прошло. Зачем ворошить, надо просто жить дальше. И обелиски эти... Лучше что-нибудь полезное построили бы, качели для детей, например, площадку с горками и турниками.

Бабаня положила на плиту веточки земляники:

- Царствие Небесное погибшим. Пусть порадуются... цветы в другой раз принесу.
- Сашка фыркнула.

- Чего фырчишь? – покосилась бабаня.
- Им ничего уже не надо. Ни цветов, ни ягод.

– Надо. Это знак, что мы помним и чтим... Пойдём обратно, что ли, Сашуня? Ведёрки полные.

...Дома Сашка только устроилась посмотреть новое видео любимого блогера, как её позвала бабаня на кухню, перебирать ягоду от сора, травинки и веточки.

Со вздохом и недовольной гримасой Сашка поднялась с кровати:

- А обязательно перебирать?

– А как же. Не ленись, не ленись. Мать на тебя и так жалуется, что по дому не помогаешь. Уж бабке своей старой помоги.

– Ты не старая.

Она надела наушники, пристроила телефон к сахарнице, неохотно и медленно принялась перебирать землянику. Бабаня что-то сказала, Саша поняла это по шевелящимся губам.

– Что?

– Да девушка красивая, говорю, глазастая такая.

– Это парень вообще-то, – усмехнулась она.

– Парень? А губы накрашены, серьги в ушах. И ручкой вот так делает, как женщина.

Сашк, ты шутишь, что ли?

– Они все так делают... Баб, не мешай.

– Да-а-а... – протянула бабаня и покачала головой, – я удивляюсь... Куда катимся?

Она надолго замолчала, сердито высыпала ягоду в эмалированный таз. Время от времени Сашка чувствовала на себе внимательный и какой-то горький взгляд.

Видео закончилось.

– Баб, я устала. Можно я пойду?

– Знаешь, что я думаю? – тихо проговорила бабаня, как будто про себя. – Если война начнётся, вот эти накрашенные мужики пойдут нас защищать?

– Ну какая ещё война? – поморщилась Сашка.

– Какая... обыкновенная! Ты новости по телевизору посмотри.

– А зачем защищать? Лучше сдаться, чтобы никто не погиб.

У бабани опустились руки.

– Дура ты стоеросовая! Если бы в сорок первом наши сдались, ты бы не родилась. Кривляешься, строишь из себя... Или из головы вылетело, как в оккупации жили?

– Мне об этом никто не рассказывал.

– Да что же ты врешь! – возмутилась бабаня. – Я не рассказывала или мать твоя не рассказывала? Тебя бы в оккупированный Курск отправить, чтобы увидела своими глазами.

– Ой, ну хватит! Вы с мамой заодно!

Сашка сунула в карман телефон, с которым не расставалась, бросила в сумку наушники и, кипя негодованием, выскочила во двор. Быстро зашагала по улице.

Глава 2. Малахольная

– Здравствуй, Сашенька.

Тётя Наташа с хозяйственной сумкой уставилась на расстроенную Сашку. Та вымученно улыбнулась: «Здрасте...» – и поспешила обратиться подальше от любопытной соседки.

Возле магазина стояла незнакомая девочка и крошила выющимся у крыльца голубям брикетик сухой лапши. Птицы её с удовольствием клевали, к Сашкиному изумлению.

Ноги сами привели её к реке, где вразвалочку ходили по берегу белоснежные гуси. Сашка уселась прямо на траву, отпила глоток воды из пластиковой бутылочки, достала телефон.

– Лиз, прикинь, что сейчас случилось, – начала записывать она голосовое сообщение. – Я с бабушкой поссорилась...

Никогда раньше даже в мыслях Сашка не называла бабаню бабушкой, но сейчас она, взвинченная, плевать хотела на дипломатию.

– Чего они все ко мне пристали? – жаловалась она. – И мать весь мозг вынесла, теперь бабушка. Говорит, в оккупацию бы тебя... А что я такого сделала? Тебе везёт, Лизка, тебя родители не достают...

Крупный гусь вытянул шею и, тряся коротким хвостиком, переступая красными перепончатыми лапами, стал приближаться к Сашке. Та замолчала на полуслове.

– Ой, меня тут отвлекают. Потом договорю...

Гусак растопырил крылья и зашипел, Сашку как ветром сдуло. Вслед несло разногласное «га-га-га», гуси издевательски смеялись над ней. Сашке стало неловко и стыдно: так позорно бежала из-за какой-то птицы! Посмотрела по сторонам – не видел ли кто? – отряхнула шорты и с показной неторопливостью направилась за село, туда, где утром собирала ягоду.

«Погуляю часа два или три, бабаня успокоится», – решила она.

У мемориала всё ещё лежали веточки земляники. Сашка скривилась и вдруг с неожиданной злостью наступила на них кроссовкой и размазала по мраморной плите, будто ягода была виновата во всех бедах. Брезгливо вытерла подошву о траву.

Вот так, вот так! – колотилось сердце. Перед глазами всё плыло и кружили светящиеся точки, дышать стало тяжело, наэлектризованный воздух мерцал.

«Солнечный удар», – догадалась она. Сашка остановилась, сделала несколько глубоких вдохов, чтобы круговорот улеглась, выбрала ритмичную песню и приготовилась идти с музыкой, пританцовывая, но в наушниках зависла тишина. Исчез с экрана значок сети, и связь тоже пропала.

– Замечательно! – расстроилась Саша, раздражённо убрала наушники в сумку и, кривляясь, передразнила маму: – «Есть там вышка, связь хорошая». Даже не позвонить теперь из этой дыры!

Ей показалось, что лес стал гуще и непролазнее. Ветки цеплялись за волосы, на голову сыпалась какая-то дрянь. Хватит, погуляла! Бабаня уже всё забыла и не будет сердиться из-за ерунды.

Впереди блеснула река. Сашка хотела сделать крюк, чтобы не встречаться с противными гусями, однако сейчас их не было видно ни в воде, ни на берегу. Наверняка птиц прогнали те трое мужчин, которые купались, смеялись и выкрикивали что-то неразборчивое. Один из них, блондин, вышел из воды, и Сашка обомлела: он оказался голым, без плавок.

– Спят... а если увидят? – пробормотала она и хихикнула: – Без комплексов чел. Ну, я тебя прослаблю, звездой интернета будешь.

Сашка подкралась ближе, таясь за деревьями, выбрала удобное место и навела на купальщиков камеру, давась смехом. Голый блондин вытирался полотенцем, повернувшись к ней лицом, как нарочно. Сашка впервые видела этих людей, это точно были не местные. Скорее

всего, какие-нибудь измученные пеклом туристы ехали мимо и решили охладиться. Свои, сельские, предпочитали купаться выше по реке, где вода чище.

Блондин вытерся и громко сказал по-немецки: «Хватит, пора возвращаться!» – и Сашка его поняла.

Несколько лет назад в школе ввели второй иностранный язык. Спорить с директором никто не смел, и Сашка с одноклассниками добровольно-принудительно ходила на уроки немецкого. Стоны и жалобы на большую нагрузку учительницу не трогали. Стуча по зелёной доске мелом, она говорила: «Знания ещё никому не мешали, а нытики дополнительно к переводу выучат десять... нет, лучше пятнадцать слов».

Успехи в немецком у Сашки были немного выше среднего. Она легко запоминала слова, могла перевести текст и написать несложное сочинение о родном городе или о том, как провела каникулы, и считала, что делает большое одолжение. Кто сейчас учит немецкий? Да никто. Анахронизм какой-то.

Что немцам делать в крошечной деревне? Здесь нет никаких достопримечательностей, кроме старинной церкви. Сашка ещё больше укрепилась в мысли, что эти туристы ехали мимо, в Москву или Питер, например. Правда, машины не видно, ну и что? Могли в лесу оставить, в тенишке.

Между тем и два других немца вышли на берег, перекинулись с первым парой слов, называя его Паулем, подобрали с песка одежду и побрели по тропинке в чьм мать родила. Ничего себе! Неужели голыми в село пойдут? Сашка, страшно заинтригованная, пошла следом, держась на приличном расстоянии.

Вот показался крайний дом, возле забора стоял чёрный старый мотоцикл будто с выставки техники ретро. Какая-то женщина, вероятно соседка тётя Наташа, прошмыгнула в калитку, а немцы шли себе, гоготали, разговаривали и не делали ни малейших попыток прикрыться.

Саша огляделась: кажется, она свернула не туда, не на ту улицу. Дом оказался не тётки-Наташиным, а бедной хибаркой с соломенной крышей и побеленными стенами. Да есть ли в селе сейчас соломенные крыши? Сашка смотрела по сторонам и видела чужие дома, грунтовую дорогу с колеями от шин, деревья, которых раньше здесь не замечала. Она нащупала в кармане телефон и набрала номер. Бабаня, конечно, заворчит, что наградили её внучкой, в трёх соснах плутающей, но бросит все дела и выйдет навстречу.

Гудка не было, связь так и не появилась. Что вообще происходит? Сашка выругалась – ну а как тут сдержаться? – и в эту минуту бахнул хлопок, похожий на взрыв петарды, потом ещё один. Такими картонными гильзами любили забавляться мальчишки под Новый год. Некоторые обделённые умом нарочно выбирали какую-нибудь женщину и бросали у неё за спиной подожжённую петарду. Гремел взрыв. Прохожая взвизгивала, крик и ругань стояли на весь район, а недоумки веселились. Но сейчас не Новый год, кому пришло в голову играть с петардами?

Улица была безлюдной, и Сашке стало не по себе.

«Надо вернуться к реке, а оттуда домой», – решила она и повернула назад. Дорогой несколько раз проверяла, не появилась ли связь, раздражённо цокала языком. Что за день сегодня!

– У-у, фрицы проклятые, всю рыбу распугали! – услышала Саша и увидела сквозь заросли рогоза подростка с удочкой, стоящего на деревянных мостках.

– Сап! – улыбнулась она.

Мальчишка обернулся как ужаленный. Это был её ровесник или немного старше, рослый, симпатичный, загорелый, закалённый горячими ветрами. Такого не портили даже обноски – старая рубашка с закатанными рукавами и мешковатые штаны. Впрочем, на рыбалку обычно надевают что похуже.

– Че...чего? – оторопел рыболов и уставился на Сашку широко раскрытыми глазами. Очень красивыми, кстати, серыми, с яркими белками.

– Привет, говорю. Слушай, интернет есть? У меня ни связи, ни интернета.

Он нахмурился, посмотрел себе под ноги:

– Нету такого... наверно, эвакуировался.

– Зачётная шутка! – Сашка обиженно отвернулась.

– Эй, подожди! – донеслось в спину.

– Чего тебе?

– Ты зачем здесь ходишь? У тебя пропуск есть?

– А что, без пропуска нельзя? – презрительно бросила Сашка. – Может, ты меня домой не пустишь?

– Ты беженка, что ли?

– Шиза! Я к бабушке приехала.

– А это у тебя зачем? – спросил паренёк и дотронулся испачканным пальцем до носа.

Сашка закатила глаза и простонала:

– О-о-о... Ты из какой пещеры вылез? Это пирсинг, для красоты... Скажи, направо – это короткая дорога до села?

Рыболов стал быстро сматывать удочки.

– Ага. Подожди, сейчас вместе пойдём. Всё равно не клюёт.

– Обломись, сама доберусь. Пикапер из тебя никакой! – задрала подбородок Сашка и быстро, чтобы приставала не догнал, зашагала по тропинке. Жаль, такой симпатичный парень, а дурак, и шутки у него дурацкие. Хорошо, что ума хватило тропу указать.

Через несколько минут выяснилось: ума не хватило. Она видела те же самые обшарпанные дома, пыльную дорогу, исполосованную колеёй. Связи по-прежнему не было, и Саша запаниковала. На автомате шла вперёд, озираясь по сторонам, и думала, что лучше всего будет постучаться в первую попавшуюся избу. Наверняка найдётся кто-нибудь нормальный, а не как тот рыболов.

Саша перевела дух возле дома, крытого дранкой. Нащупала вертушку калитки, шагнула и остановилась, разглядывая аккуратный двор и пустую собачью конуру с прикреплённой скобочкой цепью.

Хлопнула дверь, и на крыльцо с ведром грязной воды вышла босая женщина, замотанная по-крестьянски платком, в просторной ситцевой блузке.

– Простите, вы знаете, где Анна Снегирь живёт?

Хозяйка вздрогнула, резко одёрнула подоткнутую с боков юбку.

– Анна Снегирь? Не знаю такую. Да ты, наверно, селом ошиблась. – Лицо женщины в рамочке белой косынки разгладилось, смягчилось.

– А это как называется? – испугалась Сашка и, услышав ответ, расстроилась: получается, что она заблудилась. – Можно позвонить? У меня телефон не работает.

– Был телефон на почте, но теперь... сама понимаешь, – вздохнула хозяйка, выплеснула грязную воду за ворота и вытерла передником руки.

– А мобильник есть у вас?

Она не успела ответить: из соседнего двора раздался женский крик, заполошное кудахтанье, а затем – несколько громких хлопков.

– Зайди в дом, – быстро сказала хозяйка.

– Я и здесь могу, мне бы только телефон...

Она крепко взяла за руку Сашку и потащила к крыльцу, нервничая и приговаривая:

– Да скорее, скорее... Вижу, что ты нездешняя, а немцы, они чужих не любят, им всюду партизаны мерещатся. «Аусвайс, аусвайс»... а нет аусвайса, так шлёпнут, и поминай как звали. Третьего дня четверых повесили.

Двое сумасшедших за такое короткое время – это чересчур.

– День открытых дверей в психушке... – пробормотала Сашка, споткнулась о высокий порог и едва не упала.

Не успела она осмотреться, как снаружи бухнула калитка, кто-то рассмеялся: «Гы-гы-гы!» – и послышалась каркающая немецкая речь. Хозяйка метнулась к окну и задёрнула занавеску, но Сашка успела заметить, что во двор вошли два человека с винтовками наперевес, и среди них тот самый Пауль, теперь одетый в серо-зелёный китель, такие же брюки и пилотку – немецкую форму. Мороз побежал у Сашки по спине, будто холодный ветерок подул.

– Это прикол? – спросила она, и тут в сенях загремело: «Матка! Матка!»

– Прячься, живо! – зашипела хозяйка.

– Нет, вы скажите, это прикол?

– А ты как думаешь? Приколят штыком и не охнут, – рассердилась она.

Распахнула дверцу старого рыжего шкафа, втокнула в его тесное нутро Сашку и бросила следом её сумку, всю увешанную большими круглыми значками. Поправила одежду на плечиках и прошептала:

– Тихо сиди... Бог даст – не заметят.

Сашка не стала спорить, затаилась. В узкую щель между дверцами она видела только круглый стол, покрытый кружевной вязаной скатертью, и побеленную стену с женским портретом в рамке.

«А вдруг я попала на какой-то квест с актёрами?» – предположила Саша. Она любила такие игры, и чем страшнее они были, тем увлекательнее. Вот хотя бы квест с маньяком на Лизиним дне рождения. Саша думала, что она не из пугливых, но сердце выскакивало и из горла вырывался визг, когда за спиной хрипело страшилище с топором в окровавленных руках.

Застучали сапоги, и резкий голос прокаркал:

– Матка! Шнапс, водка...

Сашка прищелкнула глазом к щели. Немцев она не видела, только хозяйку, нервно вытирающую руки о передник.

– Что вы, пан, найн водка, – зачастила она, – не гоним самогонку, не из чего.

– Плэх, – буркнул немец. – Брот... хлеб.

– Сейчас, сейчас, – закивала женщина.

– Респект, классно играет, – тихо засмеялась Сашка и едва не чихнула: одежда в шкафу, пропахшая чем-то едким, мешала и лезла в лицо.

Голоса удалились, теперь она едва разбирала почтительные слова хозяйки: «Пожалуйста, вот хлеб». Наконец всё стихло, и Сашка решила, что достаточно насиделась в темноте и нанюхалась этой противной отдушки для белья, выбралась из шкафа. Пригладила волосы и огляделась.

Комната была большой и очень светлой, со старинной мебелью. Стол окружали деревянные стулья, у окна стояла железная кровать с горкой пухлых подушек, этажерка с салфеточками и тёмный комод, над которым висело зеркало в широкой раме с резными завитушками, а рядом – календарь за тысяча девятьсот сорок второй год, с колонной танков и надписью: «Больше чугуна, стали, проката – больше оружия фронту!» Сашка восхищённо ахнула и немедленно сделала селфи: без фоток подписчики не поверят рассказу про уникальную игру.

О пол что-то звонко стукнуло – это с пальца соскользнуло серебряное тяжёлое кольцо, оно было ей чуть великовато. Так и потерять недолго! Саша подняла его спрятала в кармашек сумки.

Вернулась хозяйка.

– Что, напугалась? – спросила она подобревшим голосом.

– Чего тут пугаться? – пожала плечами Сашка. – Подумаешь, немцы! Это не маньяки с топором и не привидения. Знаете, какие я квесты проходила?

Хозяйка с сожалением покачала головой:

– Что-то я не пойму тебя, девка. Малахольная ты или непуганая? Ты откуда такая взялась?

– Из Курска, – буркнула Сашка.

– Да ведь Курск немцы ещё раньше взяли, чем наше село... А звать тебя как?.. Александра? Шура, значит. А я Антонина Петровна, тётей Тоней можешь звать.

– Тётя Тоня, на минутку выйдем из игры. Дайте, пожалуйста, сотовый. Я не сказала бабушке, куда пошла, она уже, наверно, валерьянку с корвалолом пьёт.

Хозяйка посмотрела с недоумением, и Сашку стали одолевать мрачные предчувствия.

– Какой это сотовый? Мёда у меня нет, улы мы не держим. Была у Михеича пасека, фашисты за неделю всю разорили, разграбили.

– Да я же серьёзно! – досадливо поморщилась Сашка.

– И я не шуткую. Ох, что война делает! Как малахольная... в рваном исподнем ходишь. То телефон тебе, то мёду...

– Угу. Как интернет появится, загуглю, что означает слово «малахольная».

– Да куда ты?

– Не провожайте, не надо... И не трогайте меня! Оставьте меня в покое!

Чокнутые! Сашка вырвала сумку и, гремя значками, бросилась во двор и там едва не налетела на... рыболова с удочкой на плече. Так он здесь живёт! Яблоко от яблоньки...

Сашка фыркнула, как кошка, проскользнула в калитку.

– Эй, погоди, – донеслось вслед, – как твоего Интернета зовут? Может, я по имени вспомню.

Если бы она не успела отойти, то ударила бы нахала сумкой по голове за дерзость. Сашка ограничилась тем, что покрутила пальцем у виска, крикнула: «Отстань, шиза!» – и побежала по улице.

Ей давно хотелось есть и пить. Она нащупала в сумке бутылку воды, осушила её несколькими большими глотками и зашвырнула в чей-то палисадник. Отыскала завалявшуюся полупустую пачку картофельных чипсов и съела всё до крошки. И вдруг застыла, поражённая. За раздавленным, переломанным забором возвышались серые немецкие танки, как в военных фильмах, с крестом на боку.

– Ничего себе... – прошептала Сашка, – это уже не квест. Здесь кино снимают. Стопудово! Для съёмок и настоящих немцев пригласили.

Она приблизилась, вытащила из сумки телефон и запечатлела себя на фоне танка. Вот повезло! Вдруг её в массовку возьмут? Едва Сашка спрятала мобильник, как услышала сердитый окрик: «Хальт!» Из-за танка появился солдат в чёрной немецкой форме, с автоматом на плече.

– Стою. Здесь что, кино снимают? А как будет называться?

Она неосторожно сделала шаг вперёд, и артист почему-то занервничал, вскинул оружие.

– Цурюк!¹ – крикнул он.

Саша оглохла от автоматной очереди. Рядом с кроссовками ударили пули, взметнув фонтанчики пыли. Она завизжала и шарахнулась в сторону, упала, не удержавшись на ногах.

Солдат захохотал.

– Фройляйн, фройляйн! А! А! А! – И сделал бёдрами неприличные движения.

Сашка побежала, рыдая, и ей в спину неслись крики и смех.

¹ Назад!

Глава 3. Родня

Ночь была тихая, тёплая, словно бархатная, ни ветерка. Листья на деревьях застыли. Совсем рядом в воде квакали лягушки и сонно плескалась рыба. Сашка скорчилась на дощатых мостках, покачивалась, плакала и подвывала. Она пробралась сюда, едва дождавшись темноты, изнемогая от тревоги и усталости. В животе урчало от голода, и Сашка жалела, что так неосмотрительно прикончила чипсы.

Она умылась и напилась воды из сложенных ковшиком рук, достала из сумки телефон: заряд аккумулятора – двадцать семь процентов, интернета нет, связи тоже. Прерывисто вздохнула и нажала значок диктофона.

– Тому, кто меня услышит... когда-нибудь. Меня зовут Александра Кравцова. Сегодня со мной произошло что-то ужасное...

Сашка подробно рассказала о том, как заблудилась во время прогулки, как встретила парня-рыболова и как пряталась в шкафу; пожаловалась, что человек в немецкой форме стрелял ей по ногам, холостыми патронами, конечно, но приятного мало.

– После этого я боялась идти по дороге, – всхлипнула она, – там всюду были немцы. И ещё не немцы... они говорили на неизвестном мне языке. Я пряталась в чьём-то огороде, потом улица опустела, я пошла по посёлку и увидела... – Саша на минутку замолчала, так сильно дрожал голос. – А потом наткнулась на этих людей... Их было четверо.

...Сперва она увидела лишь тёмные силуэты мужчин, стоящих с опущенной головой под каким-то странным сооружением, похожим на импровизированные футбольные ворота; с опаской приблизилась и тут разглядела верёвки, тянущиеся от перекладины, и в ужасе отпрянула. Казнённые висели со связанными за спиной руками, а на большой картонке крупными буквами на русском и немецком было написано, что этих людей повесили за помощь партизанам.

Ни за какие сокровища Сашка не решилась бы подойти ближе и убедиться, что это действительно трупы, а не силиконовые муляжи для кино. Во-первых, хотела оставить себе надежду, а во-вторых, неподалёку маячил солдат с оружием. До сумерек она пряталась в лесу, потом не вынесла жажды и вышла к реке. И зачем только выбросила пустую бутылку?..

– Я не понимаю, что происходит. В тупую фантастику я не верю. Это квест, только слишком жестокий. Похоже, на кону большие деньги...

Ну а что ещё, если не игра? Допустим, есть очень состоятельный человек, он решил развлечься. Арендовал село и устроил там сорок первый год, да ещё так реалистично. Сашка заблудилась и попала туда случайно. Никто же не знает, что она посторонняя... Или догадывается по одежде, но не хочет портить игру.

Зашелестел рогоз, и чёрная тень, сопя и цокая когтями по деревянному настилу, подбежала к Сашке.

«Собака», – с облегчением догадалась она, посветила экраном телефона и увидела белогрудую дворнягу. Та была настроена дружелюбно: мотала хвостом и тыкалась мокрым носом в ладони, всё ещё пахнущие чипсами. Сашка погладила её и разрешила себя обнюхать. Внезапно она подумала, что за собакой может прийти человек, и едва не спрыгнула в воду, когда услышала шорох и звуки шагов.

– Шура... – долетел тихий голос, – не бойся, это я, Борис.

– Какой Борис? – пролепетала Сашка и пригляделась: перед ней стоял уже знакомый рыболов, в кепке и наброшенном пиджаке. – А-а, это ты опять... Давно не виделись.

– Ты зачем убежала? Вот уж правда малахольная!

Борис присел рядом. Его плечо коснулось Сашкиного, и ей почему-то стало почти спокойно. Всё-таки не одна.

– Кто бы говорил, – с напускным недовольством проворчала она и отодвинулась.

– Это Пират тебя нашёл, он очень умный, хоть и обычная дворняжка. И нюх, как у пограничной собаки. На, держи. – Боря вложил в Сашкину ладонь что-то мягкое.

– Что это?... А-а, брелок!

Это был меховой белый кролик, которого она любила носить прицепленным к сумке. А Саша и не заметила, как потеряла его.

– А ты зачем меня искал?

– Мы думали, убили тебя, – после молчания сказал Боря. – Мать услышала, как из автомата стреляют, и заплакала: «Это Шурку малахольную застрелили! На рожон лезла, не в себе девка». Ну, я сразу пошёл. Ходил, смотрел, своих спрашивал – никто не видел. Думаю, прячется где-то, надо темноты подождать... Ты есть хочешь?

Мысль о еде вызывала и голод, и тошноту одновременно.

– Не хочу. Ты можешь говорить серьёзно? Только без дурацких приколов, по чесноку.

– Чеснок дома есть, – не сразу ответил Борис.

Сашка взвилась:

– Стендапер недоделанный! Здесь кино снимают? Эти люди в немецкой форме – артисты?

– Да среди них всякие есть, может быть и артисты тоже, – шевельнулся Боря и сказал фальцетом с неожиданной злостью: – Только, Шурка, людей среди них нет, это выродки, шакалѐ. Ненавижу! Таких только убивать надо. Я бы в партизаны ушёл, да мать жалко.

– Ну что за дичь... – простонала Сашка. – Ответь честно, не ври... поклянись, что не соврёшь.

– Ну, смотря что. Если спросишь военную тайну, то...

– Какой сегодня год? Это же не военная тайна!

Боря присвистнул.

– Это ни для кого не секрет. Третье июля, сорок второй год.

– Да ты гонишь!

– Кого гоню?

– Врёшь! Обманываешь! Говоришь неправду! – разгорячилась Сашка. – Поклянись, что сегодня сорок второй год.

– Честное комсомольское.

– Дурак! Комсомола давно нет.

– Если райком эвакуировался, это не значит, что я перестал быть комсомольцем, – блеснул в темноте глазами Боря и добавил мягче: – Шур, пойдём к нам, здесь опасно. Уже комендантский час.

– Подумаешь, – поджала губы Сашка. Ей ничего не оставалось, как согласиться.

– Вот здесь умывайся, – велела хозяйка и кивнула на серый жестяной рукомойник с крышкой.

Сашка подёргала за длинный носик, недоумевая, почему не течёт вода.

– Не умеешь? Вверх толкай ладошкой... ну да, вот так.

Тётя Тоня усадила Сашку за кухонный стол, над которым тускло светила голая лампочка без плафона, и присела сама. Подвинула тарелку порезанной кружочками варёной картошки, политой маслом, отрезала ломоть хлеба.

– Не отыскала бабушку-то? – спросила она и подпёрла ладонью щёку.

– Не-а, завтра найду. Я посёлок плохо знаю, давно не приезжала, – ответила Сашка и мысленно прибавила: «Найду, когда закончится этот сумасшедший день».

– Поищи, – согласилась Антонина, – только в исподнем нехорошо по улице ходить.

Она скрылась в комнате и вернулась со старомодным светлым платьем в мелких бежевых ромашках.

– На-ка, примерь. Должно подойти, я раньше худенькой была.

Сашка от платья отказалась, даже в руки брать не захотела. Она и не помнила, когда последний раз носила платье.

– Не надо, спасибо. Мне так удобнее.

– В панталонах! – ахнула тётя Тоня. – Да и с дырками они у тебя, срамно глядеть.

«Ну и не смотри!» – с неприязнью подумала Саша, однако промолчала, прикусила язык. Нехорошо сидеть за чужим столом, есть чужой хлеб – и грубить.

Борис усмехнулся, надел кепку и направился к двери.

– Ты это куда, Борька? – всполошилась хозяйка.

– Надо мне.

– Я тебе покажу «надо»! Ну-ка вернись! В гроб мать загнать хочешь?

Антонина вскочила, закрыла дверь на крючок и намахнулась на Борьку полотенцем.

– Мам, мне четырнадцать лет! – крикнул он и, потоптавшись у порога, неохотно вернулся к столу.

– В том и дело, что всего четырнадцать. Ложись спать... и не смей мне, Борька!

Сашку уложили в маленькой Бориной комнате, где висели полки с книгами, стояли две узкие железные кровати и письменный стол. Ноги гудели, в голове был сумбур. Засыпала Сашка с надеждой, что завтра кошмар закончится, что она проснётся в бабанином доме и без промедления позвонит отцу, чтобы приезжал побыстрее, даже чай пить не станет.

Ночь показалась долгой. За окном кто-то ходил с гармонью, рвал мехи, кричал по-немецки: «Иди сюда, моя красавица!» – и Сашка ворочалась, проклинала про себя этот затянувшийся цирк.

...Она открыла заплывшие веки. В первую минуту ей показалось, что наваждение прошло. Маленькая комната была комнатой бабани, на кухне шумел чайник и бормотал телевизор. Саша выдохнула и села в постели, попыталась нащупать на табуретке телефон – и не нашла. Протёрла глаза. Увы, морок продолжался. На соседней кровати спал Боря, завернувшись в одеяло, только торчала голова с выгоревшими русыми волосами.

«Надо убираться отсюда, – решила Сашка, – выйду на шоссе, поймаю попутку и поеду домой. Какая я дура, от страха совсем отупела. Ещё вчера бы свалила».

Её шорты с аккуратно заштопанными дырками лежали на стуле, а вот майку она не нашла. Бормоча ругательства, Сашка прикрылась простынёй и пошла на кухню, шлёпая босыми ногами.

– Проснулась? – улыбнулась хозяйка. – А я панталоны твои зашила и кофту постирала.

Сашке стоило большого труда сдержаться.

– И в чём мне теперь ходить?

– А в платье. Да ты не бойся, оно чистое.

Пыхтя от злости, она примерила перед зеркалом платье с ромашками. Оно пришлось впору, и при других обстоятельствах Сашка понравилась бы сама себе. Она запихнула в сумку шорты, включила телефон и с досадой положила обратно: экран мигнул и потух. Аккумулятор разрядился.

– Спасибо, тётя Тоня, за ночлег, – поблагодарила Саша. – Я пойду домой.

Пока она зашнуровывала кроссовки, хозяйка ахала, уговаривала остаться, пугала немцами, спрашивала про аусвайс.

– Да не нужен мне аусвайс, как-нибудь с этими клоунами договорюсь, – отмахнулась Сашка.

Тётя Тоня вздохнула:

– Дурная... Вижу, не удержать тебя.

На улице раздалась немецкая брань: «Шнель, шнель, русиш швайне!» Дверь распахнулась от удара, грохнула о стенку. В дом ворвались трое: двое немцев, вооружённых автоматами, и невысокий мужичок в чёрном пиджаке и заправленных в сапоги широких брюках. На рукаве его белела повязка.

– На улицу все, быстро! – сказал он, морщась, как будто у него болели зубы, и цепким взглядом посмотрел на Сашку: – А ты кто такая?

– Племянница, Шурочка, – поспешно ответила Антонина. – А что случилось, Иван Захарыч?

Тот отвёл глаза, будто обжёгся.

Немцы вывели из спальни полуодетого Борю и вытолкали всех троих на улицу, подгоняя прикладами в спину. Сашке больно ударили между лопаток.

– А поаккуратнее можно?! – взвилась она.

Во дворе сушилась майка со смеющимся черепом, одному из немцев она приглянулась. Гитлеровец сорвал её с верёвки, приложил к плечам и отшвырнул – слишком мала.

– Шнель, быстро!

Сашка видела, как отовсюду стогнали мужчин, женщин и детей на пяточок перед длинным бревенчатым домом, похожим на барак, с табличкой на немецком и русском: «Комендатура» и красным флагом со свастикой. Всё казалось очень правдоподобно: и рёв маленьких, и слёзы на грязных личиках и, самое главное, непритворный ужас. Солдат грубо толкнул молодую мать, прижимавшую к себе сына, та едва удержалась на ногах. Мальчик расплакался.

– Тише, тише, Ванечка... сейчас домой пойдём, кашку покушаем...

Сашка видела, как крупно дрожали руки женщины, когда она гладила белую детскую головку. Такой ужас не сыграешь, он был настоящим. У Сашки сердце упало и ослабли ноги.

Тумаками, тычками и ударами прикладов солдаты выстроили людей в неровный ряд. Из комендатуры вышел толстый человек с полным круглым лицом и бегающими глазами. Несмотря на тёплую погоду, он нарядился в шерстяной костюм-тройку.

– Гаврилюк, староста... сволочь, бывший буржуй, – услышала Сашка шёпот, скосила глаза и увидела Бориса. Он сумел пробраться к ней.

– Сегодня ночью, – откашлявшись, начал староста, – неизвестные сняли с виселицы и унесли тела повешенных преступников. Господин офицер, – он почтительно повернулся в сторону холёного немца в фуражке с высокой тульёй, – распорядился оставить казнённых в нази-дание другим. Господин офицер спрашивает, кто это сделал.

Прокатился вздох, и повисла гнетущая тишина. Офицер прищурился и велел перевести, что, если виновные не признаются, будет расстрелян каждый десятый. Даже со своим не особенно богатым знанием немецкого Сашка поняла смысл и задрожала как в лихорадке. Гаврилюк перевёл, запинаясь, и сразу же смялся ряд, заплакали и закричали женщины.

– Помилосердствуйте, господин офицер!

– Пан, сжальтесь!

– Будьте добреньки!

– Пожалейте наших детей!

Офицер что-то негромко сказал солдату. Тот отдал честь и быстро пошёл вдоль шеренги, отсчитывая: «Айнци, цвай, драй...» Молодая мать спустила ребёнка с рук и заслонила собой.

– Стойте... – прохрипела Сашка, – вы не можете так поступать... Отпустите меня, я здесь ни при чём, я должна вернуться!

– Молчи! Не рыпайся – застрелят! – Боря зажал ей рот ладонью.

Рука с грязными ногтями ударила Сашку в плечо на счёт «девять». Десятой была та самая женщина с ребёнком. Она и вскрикнуть не успела, как солдат выволок её из шеренги, быстро выхватил пистолет и выстрелил несчастной в голову. Самая настоящая, не бутафорская кровь

брызнула на землю. У Сашки подкосились ноги, а потом на неё обрушилась пустота, словно в голове нажали кнопку «выкл».

...Саше снился сон, что она собирает полевые цветы: шалфей, васильки, тысячелистник. Солнце пекло макушку. Букет становился всё больше и больше, уже не помещался в руках. Ей хотелось окунуть лицо в этот цветочный сноп и вдохнуть терпкий аромат. Она так и сделала, но с удивлением поняла, что букет пахнет отвратительно, чем-то химическим и резким. От этого запаха щипало в носу и першило в горле. Сашка завертела головой и замычала.

– Очнулась, – послышался чей-то голос, – убери нашатырь, Боря.

Через мутную пелену она увидела лица тётки Тони и Бори, посмотрела на руки, окропленные чужой кровью, всё вспомнила и разрыдалась.

– За что, за что?!

– А ни за что, – отрезал Боря. – На, попей и успокойся. – Он зачерпнул воды из ведра и подал Сашке.

– Может быть... может быть, не стоило забирать... тела? – с дрожью в голосе спросила она.

– Они... партизаны не знали, что так будет. Очень жалко тётю Веру, Галю и дядю Мишу. Мы за них отомстим!

– Я тебе отомщу, мститель сопливый! – обозлилась тётя Тоня и так стукнула кулачком по столу, что подпрыгнула кружка. – Из дома ни ногой!

Борька усмехнулся:

– К юбке своей привяжешь?

– Понадобится, так и привяжу.

– А если немцев слушаться и соблюдать их правила? – всхлипнула Сашка.

– Ты с луны упала или спала весь год? – сказал Борька. Получилось жёстко. Он и смотрел сердито, прищурившись. – После пяти на улицу не выходить – расстрел, если заночует посторонний – расстрел, за связь с партизанами – расстрел...

Сашка широко раскрыла глаза. Расстреливали за всё: за отказ работать, за попытку тушить пожар, если фашисты сжигали дома в деревнях, за то, что не выдал еврея или красноармейца, за грубость, за то, что набрал воду из колодца, из которого пьют немцы.

– А вообще, Шура, им повод не нужен, они могут убить просто так.

– Что же теперь делать?..

Неужели она останется здесь навсегда? Это неправильно и несправедливо! Должен быть какой-то выход отсюда: проход, портал, червоточина, нора... мост Эйнштейна и ещё кого-то там. Надо действовать, а не сидеть и терять драгоценное время!

Сашка вытерла слёзы и решительно встала.

– Ты куда? – забеспокоилась Антонина.

– Спасибо за всё, мне пора.

– Малахольная!

Скорее к мемориалу, именно возле него начались странности. Только бы получилось отыскать это место! Сашка выбежала на улицу и привычно повернула налево. И тут – она даже остановилась – поняла, что улица не такая уж чужая, а напоминает бабанину, как набросанный художником эскиз. Это обветшалый вид домов сбил её с толку. Сашка вспомнила, что название села раньше было другим, после войны его поменяли.

Стараясь никому не попадаться на глаза, прячась за чужими сараями, она пробралась на поляну, где ещё вчера собирала с бабаней землянику, и увидела нескольких женщин в наглухо повязанных платках. Выстроившись в ряд, они споро косили траву, срезанные стебли падали к их ногам. Немцев, к счастью, Сашка не заметила.

Нужное место она узнала по берёзе с тремя перевитыми стволами, про неё бабаня говорила: «Смотри, Сашок, этой берёзе лет сто пятьдесят или больше». Это точно была она, но ещё не такая высокая и раскидистая, какой знала её Сашка. Метрах в пяти стоял раньше мемориал.

Она отсчитала десять шагов, перевела дух и зажмурилась. Вчера на этом месте Сашка чувствовала себя нехорошо: кружилась голова, перед глазами всё плыло, дышалось с трудом, как после быстрого бега. Ещё бы, перемахнуть без малого восемьдесят лет.

Она приоткрыла глаза: ничего вокруг не изменилось. Сашка подумала, что надо ходить, а не стоять, и долго кружила на небольшом пятачке, пока её не спугнули грубые мужские голоса – это немцы прочёсывали лес в поисках партизан. Она метнулась в поросшую травой ложбину, затаилась там, не решаясь покинуть своё убежище. Даже когда солнце поднялось высоко и женщины с косами ушли с поляны, Сашка не тронулась с места, погружённая в странное оцепенение. Идти было некуда, она осталась совершенно одна. Сказали бы Сашке сейчас: «Хочешь умереть?» – она бы согласилась без сомнений. Зачем ей такая жизнь, танком раздавленная?

Мысль поискать бабанин дом немного оживила Сашку. Может быть, и даже скорее всего, там живут чужие люди, не её родственники. Мама говорила, что прабабушка пережила оккупацию, но где именно пережила – Сашка не помнила. Она медленно шла по улице, внимательно рассматривая дома слева и справа. Деревянные и саманные, с крышами из соломы или дранки, они мало походили на современные, перестроенные, красивые. Сашка пыталась найти что-то общее. Вот у этого дома чердачное слуховое окно точь-в-точь как у соседей, у другого – знакомый мезонин, а у того, возле электрического столба раскорякой, высокий каменный цоколь и наличники с искусно вырезанными летящими птицами совсем как у бабаниного дома.

Сашка остановилась. Во дворе на верёвке сушилось бельё: наволочки, простыни, рубашки, а среди них и её тёмная майка с черепом, ещё раз постиранная доброй хозяйкой. Да ведь здесь тётя Тоня живёт!

Сашка без стука вошла в дом. В кухне, у печи на низкой скамеечке, сидел Боря и строгал ножом деревяшку, белая стружка сыпалась на брюки и крашенные чистые половицы. Он мельком глянул и сказал, не прерывая работы:

– Я так и знал, что ты вернёшься. Заходи.

Сашка сбросила кроссовки, повесила на вешалку сумку и посмотрела на побеленные стены. Кухня была похожа на бабанину, если вообразить на месте печки плиту, а вместо старого буфета – угловой гарнитур.

– Антонина Петровна где?

Борька с ожесточением струганул палку и едва не порезался, дёрнул рукой.

– В поле, – неохотно объяснил он, – картошку и капусту выращивает для немецкой армии.

Сашка широко раскрыла глаза.

– Чего смотришь? Не будешь работать – саботаж, а за это расстреливают.

– А ты почему не работаешь на немцев?

Боря бросил на Сашку гневный взгляд:

– Меня пока не заставляют. И я не хочу фашистам прислуживать, лучше к партизанам убегу, буду нашим помогать.

– Борь, а как твоя фамилия?

– Одинцов, а что?

– Просто интересно, – пожала плечами Сашка. Фамилия ей ни о чём не говорила. – А где твой отец?

– Известно где, на фронте.

Она прошла в комнату и принялась разглядывать фотографии на стене, маленькие, чёрно-белые, в рамочках за стеклом. На каких-то снимках она узнавала тётю Тоню, молодую и красивую, с косами.

– Борь, а твоего отца как звали?

– Почему «звали»? – откликнулся из кухни Борька. – Он жив, воюет.

– Ах, да. Прости.

– Александром его зовут.

– Александром... – эхом повторила Саша и тут заметила фотографию, которая показалась ей знакомой: Антонина, сидя на стуле, держала на руках пухлощёкого младенца, а рядом стоял высокий мужчина в рубашке со светлыми пуговицами, подпоясанный ремнём, в сапогах с длинными голенищами и фуражке с блестящим козырьком.

Эту фотографию, пожелтевшую от времени, Сашка видела в бабушкином альбоме. Бабаля тогда пояснила: «Это папка, это мама, а это мой брат Борис».

– Это отец, – слышалось за спиной. Боря указал кончиком пальца на мужчину рядом с тётей Тоней.

– А ребёнок – ты? – оглянулась Сашка.

– Ага. Любит мамка все фотографии на стены вешать, – улыбнулся Боря и добавил: – Счастье, что фашисты у нас в избе не остановились, выбрали дома побогаче, школу заняли и бывшие помещичьи усадьбы.

Выходит, Борька – Сашин дед, двоюродный дед. А тётя Тоня – прабабушка. Прикольно: внучка старше деда! Интересно, а Боря ещё жив в Сашкином времени? Было бы здорово заявиться к нему и сказать: «Сап, Боря! Помнишь, как мы в сорок втором году с тобой встречались?» Господи, только бы вернуться назад, больше ничего и никогда она не попросит!

Боря рассказал, как отступали русские солдаты, как он с матерью ходил рыть окопы, как эвакуировался сельсовет в полном составе. В село заявились буржуи – бывшие хозяева имений – и немцы, но не военные, а так, вроде буржуев. Сразу забрали коров немцам на тушёнку. А через несколько месяцев Борька увидел на улице колонну танков с крестами.

Он помолчал и спросил:

– Шур, идти тебе больше некуда?.. Знаешь, оставайся у нас пока. Мамка против не будет, даже наоборот... она переживает за тебя. А там и родню свою отыщешь.

Сашка вздохнула: родню она уже нашла, как выяснилось.

Глава 4. Просто фантастика

Ночь была душной. В приоткрытое окно залетали трели губной гармошки и пьяные голоса немцев. Солдаты пели русскую песню про Волгу, немилосердно коверкая слова.

– Чтоб вам сдохнуть! – разозлился Борька.

Застонали пружины кровати, он поднялся и закрыл окно – звуки стали тише. Боря повожился и вскоре засопел, а у Сашки весь сон пропал.

Уже несколько дней она жила у Одинцовых. Из дома почти не отлучалась, только бегала по утрам к трёхствольной берёзе на краю леса, каждый раз с замиранием сердца надеялась, что сегодня ей повезёт. Возвращалась подавленная, оглушённая, с красными от слёз глазами.

Бедная бабушка, бедные родители! Сашка чувствовала, как они сходят с ума от волнения, может быть, даже думают, что её нет в живых, а это, в общем-то, почти правда.

– Я не хочу здесь умирать... – плакала Сашка.

Тётя Тоня присаживалась рядом, прижимала к себе Сашкину голову и тихо гладила по светлым волосам, как маленькую.

– Что ж ты всё время плачешь? Нельзя так, золотко. Вот наши придут и погонят фрицев, хорошо тогда заживём, лучше всех.

Прямо на другой день хозяйка велела собираться в комендатуру к старосте, регистрироваться. Сашке идти не хотелось.

– А это обязательно?

– Обязательно, тебя староста видел, – вздохнула Антонина. Глянула раз-другой и тихо спросила, показывая на нос: – А это вам всем цепляют? Вроде как метка?

– Кому «вам»?

– Ну вам, из больницы.

Сашка смотрела с недоумением, и хозяйке пришлось кое-что объяснить.

Зимой разлетелся слух, что в одном селе недалеко от Курска, где находилась психиатрическая больница, фашисты отравили снотворным всех пациентов. Ещё живых людей сбросили в овраг и присыпали землёй. Некоторые больные не умерли, очнулись и выбрались из могилы. Таких медсёстры пытались спасти – прятали. Антонина решила, что Саша одна из выживших.

Сашка расплакалась. Её приняли за сумасшедшую, сбежавшую из психушки, а она ещё подумывала рассказать о себе правду! Теперь об этом не могло быть и речи: прабабушка Тоня получит ещё одно доказательство Сашкиного мнимого умопомешательства. Вот Борьке довериться можно. Он молодой, начитанный, они нашли бы общий язык.

– Нет, тётя Тоня, я здорова, – вытерла глаза Сашка.

– А родители твои где?

Она думала всего секунду:

– Папа на фронте, мама пропала при бомбёжке.

– Вот горе-то, девонька! – воскликнула Антонина, и глаза её увлажнились. – А ты, верно, к бабке своей пришла, а её нигде нету? Ничего, ничего, не плачь, золотко. Жива она, эвакуировалась, точно говорю. Отпишется ещё, вот увидишь. Вечером погадаю тебе на картах. Я умею, балуюсь иногда.

Сашка вытащила колечко из носа, убрала в кармашек сумки.

– Волосы заплети и под косынку спрячь, – велела тётя Тоня.

– Не хочу, я так привыкла.

Она нахмурилась и после недолгого молчания сказала:

– Головой-то не трясись, а думай ею. Ты, Шурк, девка видная. Красота твоя никуда не денется, при тебе останется. Поберегись, ведь фрицы кругом. Платок, кофточку на плечи...

Сашка вспомнила, как напугалась, когда немец кричал ей: «Фройляйн, фройляйн!» – нашла в сумке резинку для волос и сделала пучок, завязала косынку под подбородком и вышла за тётей Тоней на улицу.

Все стены комендатуры были оклеены немецкими плакатами, агитирующими ехать на работу в Германию. Молодая женщина в переднике резала капусту под наблюдением фрау, улыбалась и призывала: «Я живу в германской семье и чувствую себя прекрасно». На другом плакате деревенский мужик в картузе доставал из чемодана шёлковое платье, а его жена восхищалась такому богатству, как будто ничего в жизни красивее не видела. «Борясь и работая вместе с Германией, ты и себе создаёшь счастливое будущее», – кричала крупная надпись.

– Мягенько стелют, – проворчала Антонина. – Пойдём, Шура.

Она обошла грузовик с крестами на дверях и потянула Сашку к широкому крыльцу под деревянным навесом. Они очутились в тёмном после улицы коридоре, прошли мимо распахнутых дверей просторного помещения, заставленного стульями, и Саша успела ухватить краем глаза сцену с кумачовым занавесом и фашистскими флагами.

Какая-то девушка, некрасивая и носатая, печатала на пишущей машинке, и Сашка мысленно отметила, что стрекотание похоже на звуки печатанья на клавиатуре, только гораздо звонче.

Староста сидел в кабинете за столом, покачивался на стуле, сложив на животе пухлые руки. Заметил посетителей, посмотрел недовольно, исподлобья.

– Ну, что у вас?

– Вот, – заторопилась Антонина и подтолкнула Сашку к столу, – племянницу привела, Шурочку. Сестры моей дочка.

– Хорошо, – кивнул Гаврилюк и достал из ящика толстую общую тетрадь. – Сколько лет?... Ты глухая?

Сашка вздрогнула, отвела глаза от плаката с орлом и свастикой.

– Пятнадцать.

– Метрика есть?

– Нету, Николай Ильич, дом разбомбило, какие уж тут метрики, – опередила тётя Тоня.

– Фамилия?

Сашка не побоялась назваться настоящим именем, ведь Александры Кравцовой ещё не существовало в природе. Гаврилюк аккуратно заполнил с её слов графы в тетради и махнул рукой: свободны.

Антонина торопилась на работу, и Сашка возвращалась домой одна. Немецкие танки всё ещё стояли в саду возле школы, неподвижные и грозные. Чуть поодаль, без кителей и рубашек, в одних брюках, умывались немцы. Вёдра с водой им приносили сельские мальчишки и взамен получали то ли хлеб, то ли кусочки сахара – Сашка не разглядела.

– Дядь, давай сапоги почищу! – предложил мальчуган лет семи.

Немец понял и кивнул.

«Есть среди них нормальные люди, я же говорила», – утешила себя Сашка. И вдруг чистильщик неосторожно испачкал ваксой ногу немца. Тот обругал его свиньёй и ударил кулаком в лицо. Мальчишка умылся кровью, свалился в грязь. Сашка опустила глаза, заторопилась поскорее покинуть опасное место.

Мысль, что надо поговорить с Борисом, не давала Сашке покоя. Но как начать? Здесь надо действовать издалека, мягко и с умом.

Удобный момент выпал вечером, когда Боря отдыхал в своей комнате. Сашка подошла к полкам, провела пальцем по корешкам книг.

- Ты любишь читать? – спросила она.
- Люблю. Все книги перечитал, и свои, и библиотечные. Ты читала «Аэлиту»?
- Не-а, мне как-то не зашло.
- А «Голова профессора Доуэля»? А «Гиперболоид»?

Сашка смутилась, она ничего не читала, кроме книг по школьной программе. А что удивляться? Борькина жизнь совсем другая – пресная, скучная, без компьютера и телевизора. Даже обычного телефона у него нет, не говоря про мобильный. Что Борьке ещё делать, если не читать?

- Книги не любишь, а что любишь?

– Рисовать. Я хорошо рисую, – похвалилась Сашка.

– Да? А нарисуй что-нибудь. – Боря пошарил в ящике письменного стола, достал альбом и несколько простых карандашей.

– Мне хочется нарисовать твой портрет. Я с одиннадцати лет в художественную школу хожу, в следующем году заканчиваю... то есть должна закончить.

Сашка вырвала из альбома лист, подложила под него картонку. Набросала эскиз и принялась прорисовывать лицо. Всё же у Бори и бабани есть общие черты: высокий лоб, брови, разрез глаз.

- Боря, ты фантастикой увлекаешься?
- Ага, люблю. Интересно про будущее читать. Через сто лет люди на Марсе жить будут. Карандаш завис над рисунком, Сашка замерла.
- А ты веришь, что путешествия во времени возможны?
- Ну, если когда-нибудь придумают машину времени...
- А без машины? Учёные считают, что есть тоннели в пространстве.

Боря удивился и сказал, что Сашка сильно выросла в его глазах, что теоретически возможно всё, а на практике – пшик. А у учёных работа такая – делать предположения, они за это деньги получают.

- Борь, я могу доверить тебе секрет?.. Не шевелись, голову чуть вправо.
- Конечно.

Сашка кусала губы. Сейчас она скажет, что пришла из будущего, и Борька посмотрит на неё как на больную.

- Я лучше покажу тебе кое-что.

Она отложила карандаш и достала из сумки телефон, наушники, сторулёвую купюру и дезодорант – всё, что у неё осталось из прошлой жизни.

- Это мобильный телефон. Сейчас попробую включить.

Сашка давила кнопку и мысленно умоляла смартфон хотя бы моргнуть.

- Не включается, аккумулятор сел, а зарядника у меня с собой нет, к сожалению.

Боря повертел в руках телефон, постучал ногтем по экрану, хмыкнул:

– Стекло... Какой же это телефон? А трубка где, а провод? Номер как набирать? – Он увидел наушники и округлил глаза: – Ты радистка? И молчишь! Тебя к партизанам надо переправить.

- Какая ещё радистка, – поморщилась Сашка, – это обычные наушники, музыку слушать.
- А-а, сломанные, без проводов. А это что за деньги? Не наши, что ли?
- Наши, только они ещё не появились. Я к вам попала из будущего, из две тысячи двадцать первого года.

Борька фыркнул и так рассмеялся, что выступили слёзы.

– Всё-таки ты и правда странная, – едва выговорил он. — Значит, ты из будущего? А машину времени где спрятала? Покажи, хоть одним глазком взглянуть бы. А давай туда всех фрицев посадим и отправим к мамонтам!

Сашка обиделась, бросила испепеляющий взгляд на Борю и молча сложила вещи в сумку. Зря доверилась. Он не принял её всерьёз, теперь будет только подкалывать.

– Шур, ты чего рассердилась?

Она нарочито резко отвернулась, скрестила руки на груди.

– Рисовать больше не будешь?

– Не хочу, – буркнула Сашка.

– Ну не сердись, я не буду смеяться. Покажи рисунок... Мировецки! Ты правда очень хорошо рисуешь, будешь художницей, как Репин. Я на стену повешу этот портрет, в рамочке.

Боря всё извинялся, подсовывал карандаши, и Сашка смягчилась, продолжила наносить штриховку.

– Я тебе ещё не всё рассказала, – невольно вырвалось у неё. – Ты мой двоюродный дед, а тётя Тоня – прабабушка.

Выпалила и прикусила язык, сжалась от испуга: вот сейчас Борька снова поднимет её на смех.

Тот серьёзно посмотрел, покачал головой:

– У меня нет ни братьев, ни сестёр.

– Это пока нет. Моя бабушка Аня в пятьдесят втором родилась.

Глаза у Борьки вспыхнули радостью.

– Получается, папка с фронта вернётся? Уф! Хотя фантазируешь, а всё равно приятно слушать. Мы ничего об отце не знаем, сводок с фронта тоже не слышим. Радио нет, газеты, письма сюда не доходят. А ну, расскажи ещё что-нибудь. Когда война закончится?

– В сорок пятом, девятого мая.

Борька изменился в лице, посерьёзшел.

– Это ты загнула. Не может быть, чтобы ещё три года... Ты давай хорошее сочини, плохого нам и так хватает.

– Если не веришь, ничего больше не скажу. Держи свой портрет.

Она сделала последний штрих, поставила в уголке подпись и дату.

– Мировецки, даже дырочку на рубашке нарисовала. Я бы новую надел... что ж не предупредила? – пожалел Боря и спрятал рисунок в альбом, чтобы не измялся.

Саша заверила, что вот так, в старой рубашке, с растрёпанными волосами и царапиной на руке получилось живее и правдивее.

Никогда раньше ей не приходилось топить дровами плиту, носить из колодца воду, есть хлеб пополам с отрубями и суп без мяса, в котором поблёскивали редкие кружочки жира. Если бы мама приготовила такую бурду, Сашка сделала бы вид, что её тошнит, демонстративно выплеснула всё из тарелки в унитаз и заказала бы из кафе роллы, пиццу и салат. Теперь же приходилось есть что давали: сколько ни кривись, стейк и красную рыбу никто не принесёт, разве что карася, если Борьке повезёт поймать на удочку.

Вчера, когда он сидел на реке, подошёл немец и заорал, брызгая слюной, что вся рыба принадлежит Германии. Вырвал удочку и сломал о колено. Борька, красный от ярости, вернулся домой ни с чем и сказал, что всё равно будет ходить рыбачить, тайком.

Тётя Тоня всполошилась:

– Боренька, отступись! Ещё пристрелят из-за какого-то пескаря! Огурцы есть, лучок... Проживём.

После ужина она вытерла стол и достала из буфета колоду карт.

– Пойдём, что ли, Шурк, погадаю.

– Опять ты за своё, спалю в печке твои карты, – проворчал Борька.

– Спалит он! – сердито отозвалась Антонина, тасуя колоду. – Я те спалю! Яйца курицу учить вздумали. Поди лучше собаку покорми, воет, наверно, в сарае... Сними, Шура, на себя.

Она разложила на пёстрой клеёнке карты и долго вглядывалась в них, что-то бормоча под нос.

– Жива твоя бабаны, – наконец сообщила тётя Тоня, и у Сашки ёкнуло сердце, так странно было слышать здесь это ласковое прозвище. Она придвинулась ближе и впиалась глазами в седовласых королей и дам в горностаевых манто.

– И мать жива... но далеко они отсюда, как бы не за Урал их эвакуировали или ещё дальше, в Ташкент. Переживают за тебя, ищут, волнуются... слёзы, слёзы...

У Сашки к горлу подступил комок, и карты расплылись мутными пятнами. Увидит ли она когда-нибудь родителей, бабушку и Настю? Сестру Сашка недолюбливала, в детстве они часто ссорились и нередко дрались из-за игрушек, но теперь плохое вспоминать не хотелось, только хорошее. Как она болела, а Настя сидела у кровати и читала сказки, как подарила свою куклу со всей одеждой, соской и горшком.

– А тебе, Шура, выпадает дальняя дорога, трудности, испытания. Вот они, вот, – постукала пальцем Антонина по засаленной карте.

Сашка сглотнула слюну.

– Что это значит?

– То и значит, что поедешь далеко куда-то. По всему видать, эвакуироваться будешь. Небось, мать отыщется и вызовет к себе в тыл.

Долгая дорога – это, конечно же, возвращение домой, в своё время, – решила Сашка и облегчённо выдохнула.

– Тётя Тоня, а когда это будет? – заёрзала она.

– Скоро, скоро.

– А почему трудности?

– Ну а как же, дорога-то нелёгкая, пока доедешь... – Антонина смешала карты, перетасовала колоду и спрятала в ящик.

Не то чтобы Сашка поверила гаданию, но всё-таки стало чуточку легче. Там – мирная жизнь, мама с папой, уютная комната с компьютером, ванная с душевой кабиной. И не надо мыться в бане едва тёплой водичкой. Там вкусная еда, которая не переводится в холодильнике, печенье, булочки... Да что булочки, хлеб какой вкусный!

При мысли о еде в животе заурчало, как будто она и не ужинала. Антонина говорила, что меняла вещи на продукты, вдруг у Сашки получится обменять серебро?

Она прошла в Борину комнату, отыскала кольцо в сумке, примерила. Теперь оно совсем не держалось на похудевшем пальце, скользило. Жаль колечко, оригинальное: ободок в виде костей удерживал выпуклый зубастый череп с тёмными глазницами.

– Тётя Тоня, можно это поменять на что-нибудь вкусенькое? Оно серебряное.

Та вытерла руки полотенцем и осторожно взяла кольцо, прищурилась:

– Это твоё?

– Моё конечно.

– Адамова голова, смотри, Боря.

Борька успел вернуться и сейчас ополаскивал у рукомойника собачью миску. Посмотрел на кольцо, поморщился.

– Я слышал, фашисты такие носят.

– Не болтай ерунды! Адамова голова, говорю, как на иконах. Я на кофте у Шуры череп увидела, так и подумала: богобоязненная девка. Вот мы с ней в храм на службу ходим.

– Это фашисты церкви открыли... – вздохнул Борька и замолчал. Сашке показалось, что он хотел прибавить: «А ты радуешься», но не прибавил.

– И что? – свела брови Антонина. – Церкви у нас православные, не фашистские.

– Так можно продать кольцо? – нетерпеливо напомнила Саша.

– Отчего нельзя, можно, серебро всё-таки. Но много за него не дадут, булку хлеба или двести-триста рублей – и то хорошо, и то давай сюда.

Тётя Тоня сказала, что на их рынке продавцов больше, чем покупателей, лучше всего идти в базарный день за реку, в соседнее село. Ещё с вечера она перебрала Борины вещи, отложила кое-какие в сторону, бормоча: «Это мало... это переличую...» – достала из комода свою шерстяную коричневую кофту и завязала всё в аккуратный узел.

Без пропуска немцы не разрешали уходить из села, и Антонина с Сашкой, которая напросилась на рынок, заранее получили в комендатуре пропуск с орлом и оттиском печати, где указывалось, куда они направляются и зачем, а также время возвращения.

Вышли очень рано, на рассвете. Антонина с узелком споро шагала впереди, только мелькали подмётки ботинок, Саша плелась следом. Она мысленно упрекала тётю Тоню с её «да там недалеко, мост перемахнём – вот и рынок» за обман, а себя за легковёрность. Становилось жарко, несмотря на ранний час. Саша стянула с головы косынку и вытерла мокрое лицо и шею.

– Долго ещё идти? – простонала она.

– Теперь уже близко.

Это «близко» тянулось не меньше километра. Мимо, подпрыгивая на колдобинах, проехал грузовик с сидящими в кузове солдатами вермахта. Они увидели Сашку, оживились.

– Фройляйн, красивая фройляйн, иди к нам! – загомонили и засвистели они.

Сашка испугалась, что машина сейчас остановится... и тогда неизвестно будет, вернутся ли они с Антониной домой.

Грузовик укатил, пыль ещё долго висела в воздухе.

– Как дам по макитре! – совсем как на Борьку намахнулась тётя Тоня. – Распустила Дуня косы, а за нею все матросы... Зачем платок сняла? Что за девка поперечливая! Нечего себя выставлять, тыщу раз твердила. Поскромнее будь, позамарашистее.

– Я не выставляю, – оправдывалась Сашка, убирая волосы и повязывая косынку, – жарко, я взмокла вся.

– Ничего, не упреешь.

На въезде в село, возле указателя с надписью по-немецки, толпилась небольшая очередь. Щурясь от солнца, долговязый солдат проверял документы у людей с мешками и узлами, что-то спрашивал, говорил «гут» и отпускал. Впереди торчала высокая тренога с пулемётом, дуло которого было направлено в небо, стоял мотоцикл с люлькой и белым номером на крыле переднего колеса.

Тётя Тоня подала свой и Сашкин пропуск, гитлеровец бегло просмотрел, махнул рукой: проходите.

Глава 5. Фольксдойче

Рынок оказался не таким большим, как она воображала, однако народу здесь толкалось много. У невысокого здания под железной крышей стояли продуктовые ряды без навесов, похожие на длинные столы на ножках, толстых, как брёвна. Продавали молодую картошку, уложенную горками прямо на досках или чистых тряпицах, пучки зелёного лука и укропа, огурцы, молоко кружками, зернистый домашний творог и хлеб – буханками и ломтями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.